

Межотраслевая дифференциация ответственности за незаконную охоту

Р.А. Забавко¹, Ю.Р. Герасимова²

¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0003-1613-9317>; Researcher ID AAD-4666-2021; zrairk@gmail.com

² Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0002-1816-173X>; Researcher ID A-9748-2019; avtos5630@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье в сравнительно-правовом аспекте рассмотрены признаки составов преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 258 УК РФ, и административных правонарушений, предусмотренных статьями 8.35, 8.37 КоАП РФ. Сделаны выводы о том, что указанные нормы являются смежными, и на практике имеются сложности в разрешении вопросов их конкуренции. Отмечается, что разграничение указанных составов преступлений и административных правонарушений производится по характеру и степени их общественной опасности с учетом общественно-опасных последствий, средств, орудий, способа, места, времени, обстановки совершения общественно-опасного деяния. Авторы указывают на ряд правоприменительных проблем, связанных с отсутствием учета абсолютно конкретизированного прямого умысла на незаконную охоту с причинением крупного ущерба при неоконченной преступной деятельности, общего умысла соучастников, когда криминообразующий признак содержится в действиях только одного из соучастников. Предложены конкретные правовые приемы, позволяющие разрешить указанные проблемы конкуренции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экологические преступления; незаконная охота; межотраслевая дифференциация ответственности; разграничение преступлений; квалификация преступлений

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Забавко Р.А., Герасимова Ю.Р. Межотраслевая дифференциация ответственности за незаконную охоту // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 2. С. 134–141. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(2).134-141

Inter-branch differentiation of liability for illegal hunting

R.A. Zabavko¹, Yu.R. Gerasimova²

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-1613-9317>; Researcher ID AAD-4666-2021; zrairk@gmail.com

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-3998-1355>; Researcher ID A-9748-2019; avtos5630@mail.ru

ABSTRACT

The article compares the signs of corpus delicti (part 1 of Art. 258 of the Criminal Code of the Russian Federation) and administrative offenses (Art. 8.35, 8.37 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). It is concluded that these norms are related, and in practice it is difficult to solve the issues of competition between these norms. It is noted that the delineation of these norms is carried out according to the nature and degree of their social danger, taking into account the socially dangerous consequences, means, tools, method, place, time, environment of committing a socially dangerous act. The authors point to a number of problems in legal practice, which are associated with the lack of taking into account the absolutely specific direct intent for illegal hunting with causing major damage in unfinished criminal activity, the general intent of accomplices, when a criminogenic feature is contained in the actions of only one of the accomplices. Specific legal techniques are proposed to resolve the above competition problems.

KEYWORDS

environmental crimes; illegal hunting; inter-sectoral differentiation of responsibility; delimitation of crimes; classification of crimes

FOR CITATION

Zabavko R.A., Gerasimova Yu.R. Inter-branch differentiation of liability for illegal hunting. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2021;22(2):134–141. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(2).134-141

Постоянно ухудшающиеся показатели качества окружающей природной среды и сохранности природных ресурсов вызывают серьезные опасения. Так, Всемирный фонд дикой природы заявляет о сокращении количества диких животных на 68% за последние 50 лет¹. В Российской Федерации на протяжении нескольких последних лет фиксируется снижение количества отдельных охотничьих ресурсов: лося, дикого северного оленя, пятнистого оленя, кабана, кабарги, сибирского горного козла, овцебыка, белки, горностая, зайца-беляка, колонка, лисицы, росомахи, рыси². В качестве причин специалисты отмечают ухудшение состояния вод, атмосферного воздуха, почв, глобальное потепление, экологические катастрофы, большая часть из которых вызвана ненормативным антропогенным воздействием на природу. Отдельно в числе факторов, детерминирующих сокращение числа диких животных, стоят действия браконьеров, возможности которых в последние годы значительно возросли в связи с техническим прогрессом и появлением высокоточного оружия, оптических приборов, мобильных транспортных средств и летательных аппаратов, в том числе беспилотных, внедрением современных средств связи и т. д. Все вышесказанное делает проблему борьбы с незаконной охотой особенно актуальной. При этом следует отметить, что конструкция норм, предусмотренных статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (далее — УК РФ), далека от совершенства. Многие из них требуют дополнительного разъяснения, а в отдельных случаях и законодательного совершенствования.

Одна из проблем, с которой сталкиваются правоприменители при квалификации незаконной охоты, связана с отсутствием четких критериев межотраслевой дифференциации ответственности за незаконную охоту, в частности, наличием множества схожих признаков между статьей 258 УК РФ и статьями 8.35, 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ (далее — КоАП РФ), устанавливающих от-

ветственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений и нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира, соответственно. При этом, как отмечают специалисты, вопросы межотраслевой дифференциации ответственности должны быть решены однозначно, подходы к квалификации должны обеспечивать точное разграничение правонарушений, ответственность за которые установлена разными отраслями права [1, с. 132; 2, с. 5]. Нужно отметить, что в последние годы имеется тенденция снижения количества зарегистрированных преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьей 258 УК РФ, и увеличения числа фиксируемых административных правонарушений, ответственность за которые установлена статьями 8.35 и 8.37 КоАП РФ [3, с. 169–170], что объясняется высокой латентностью экологических преступлений, переходом части деяний в область регулирования административным правом.

Базовым критерием разграничения уголовной и административной ответственности за схожие деяния, связанные с неправомерным воздействием на охотничьи ресурсы, является их общественная опасность. Однако это утверждение носит общий характер и конкретизируется за счет уточнения отдельных признаков, прежде всего, общественно-опасных последствий, средств, орудий, способа, места, времени, обстановки совершения общественно-опасного деяния. Указанные вопросы столь значительны и сложны, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации посвятил их уточнению отдельные положения Постановления от 18 октября 2012 года «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»⁵ (далее — постановление Пленума ВС РФ № 21). Вместе с тем указанное постановление сняло далеко не все вопросы квалификации, связанные с межотраслевой дифференциацией ответственности за незаконную охоту.

Принципиальным обстоятельством, связанным с разграничением преступления, предусмотренного статьей 258 УК РФ, и административного правонарушения, предусмотренного статьями 8.37 КоАП РФ, является учет объективной стороны, прежде всего, фактически содеянного.

¹ WWF сообщил о сокращении за 50 лет популяции животных в мире на 68% // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/725335>.

² Численность охотничьих ресурсов (копытные и пушные животные) // ФГБУ «Федеральный центр развития охотничьего хозяйства». URL: <http://www.ohotcontrol.ru/resource/number/>.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁵ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 окт. 2012 г. № 21 : (ред. от 30 нояб. 2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

Так, в соответствии с пунктом 5 статьи 1 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (далее — ФЗ «Об охоте») охота представляет собой поиск, отслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добычу, первичную переработку и транспортировку. На необходимость использования именно этой дефиниции для характеристики объективной стороны незаконной охоты четко указывает пункт 8 постановления Пленума ВС РФ № 21. Приведенная дефиниция в полной мере согласуется как с общепринятым пониманием охоты («преследование и сама добыча диких птиц и зверей, а также нахождение в охотничьих угодьях с оружием, собаками, ловчими птицами, капканами и другими орудиями охоты либо с добытой продукцией охоты» [4], «поиски, отслеживание зверей, птиц с целью умерщвления (на кого) или ловли (за кем)» [5]), так и с его понятием в специальной литературе («изъятие диких животных (наземных и морских, птиц и зверей) в различных формах (отлов, отстрел, загон и т. п.) живыми или умерщвленными для целей потребления (питания, использования шкур, жира и т. п.), изучения, создания коллекций, содержания в неволе или полувольных условиях» [6, с. 65]; «процесс взаимодействия охотника с охотничьими животными посредством специальных орудий (ружей, капканов и т. п.), в результате чего получается определенный продукт (мясо, шкура, трофей, лекарственное сырье и т. д.» [7]).

При этом поиск представляет собой активную деятельность, направленную на установление места нахождения дикого животного в целях его последующей добычи. Поиск не обязательно предполагает выход с дичью на прямой контакт (например, для производства выстрела), он может быть совершен с целью установления места обитания, миграции, водопоя, кормления диких зверей или птиц для установки ловушек или силков.

Выслеживание зверя (как разновидность поиска) означает целенаправленное установление местонахождения конкретной особи, в целях ее добычи. Выслеживание, как одно из действий, составляющих охоту, предполагает знание повадок зверя, попытка нейтрализовать его преимущества в скорости и скрытности за счет использования специальных устройств, орудий, методики охоты. Выслеживание зверя может быть и пассивным,

а также смешанным и включать в себя, например, поиск троп, по которым ходит зверь с целью организации там места, в котором охотник мог бы дожидаться его появления («засидки»).

Преследование — активное действие, состоящее в движении за зверем, направленное на сокращение расстояния между ним и охотником в целях обеспечения возможности производства выстрела или применения иных способов его добычи. Правила охоты ограничивают средства, орудия, способы преследования с тем, чтобы обеспечить справедливость условий, дать возможность зверю уйти от охотника. Именно это обусловило введение в часть 1 статьи 258 УК РФ пункта «б», в котором криминализировано использование механического транспортного средства или воздушного судна, значительно увеличивающего возможности охотника по выслеживанию и преследованию зверя.

Сама добыча представляет собой несколько вариантов деяния.

1. Умерщвление дикого животного с целью получения его тела или частей тела (мяса, шкуры и т. д.).

2. Умерщвление дикого животного без цели получения его тела или частей тела. Этот вариант охоты характерен для удовлетворения исключительно охотничьего азарта, когда трофей не является самоцелью охоты.

3. Поимка зверя с помощью ловушки или силков в целях последующего содержания его в подневольном состоянии или в целях умерщвления.

При этом добычу нужно рассматривать и как цель поиска, отслеживания и преследования охотничьих ресурсов, потому что без этой цели они сами по себе охоту не образуют. Так, Верховный Суд РФ признал гражданина К, непосредственно не осуществившего незаконную добычу, виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 258 УК РФ. Гражданин К. находился в охотничьих угодьях с расчехленным оружием, на механическом транспортном средстве и осуществлял поиск и отслеживания охотничьего ресурса — лося. Суд не ограничился указанием на совершение только поиска и отслеживания зверя, а отметил, что цель на его незаконную добычу у К. подтверждена тем, что он сказал об этом заранее знакомому, имел при себе подходящее оружие, нож, упаковку для мяса, которое намеревался добыть, находился в местности, где ранее его знакомый видел лося и рассказал ему об этом⁷.

В то же время отождествление с незаконной охотой факта нахождения в лесу с оружием, охот-

⁶ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 9 нояб. 2006 г. № 67-о06-81 // СПС «КонсультантПлюс».

ничьими животными и ловчими птицами само по себе не является основанием для привлечения лица к ответственности за незаконную охоту, так как это противоречило бы принципу вины и требованию о недопустимости объективного вменения в уголовном праве. Для применения статьи 258 УК РФ необходимо установить объективное наличие поиска, выслеживания, преследования охотничьих ресурсов и субъективную цель на их добычу.

Первичная переработка включает в себя проведение действий, необходимых для сохранения добытого зверя или его частей. Это деяние включает в себя удаление внутренних органов зверя, снятие шкуры или удаление перьев, разделение туши зверя на части и т. д. Характерной особенностью первичной переработки является то обстоятельство, что ее результатом не является получение самостоятельной продукции.

Транспортировка состоит в перемещении в пространстве незаконно добытого животного или его частей с применением механического транспортного средства или воздушного судна.

При этом первичная переработка и транспортировка должны быть связаны с добычей дикого животного: лицо, не участвовавшее непосредственно в добыче, но совершившее первичную переработку и транспортировку, подлежит ответственности только в том случае, если оно заблаговременно (до начала самой добычи) обещало охотнику их совершить.

В этой связи, думается, ошибочной следует признать квалификацию в качестве незаконной охоты первичную переработку и транспортировку дикого животного, найденного в лесу, даже если лицо осознает, что оно добыто незаконно (например, не во время охотничьего сезона, в запрещенном месте и т. д.). Так, вряд ли можно согласиться с квалификацией по статье 258 УК РФ содеянного гражданином Ч., который был задержан в процессе транспортировки умерщвленного дикого животного. Как пояснил гражданин Ч., зверя он не добывал, а просто нашел в лесу и решил забрать себе, при этом обратное в процессе предварительного расследования доказано не было. Однако суд признал гражданина Ч. виновным в совершении незаконной охоты, сославшись на содержание указанного выше пункта 5 статьи 1 ФЗ «Об охоте»⁸.

Для правильной квалификации нужно четко понимать, что конкретная охота не обязательно включает в себя все из рассмотренных вариантов,

они могут быть комбинированы в различных вариациях. Это может быть и только лишь незаконная добыча, когда зверь случайно оказался в зоне поражения оружия виновного, и добыча в процессе поиска, выслеживания или преследования зверя. Кроме того, как было указано выше, лицо может непосредственно не участвовать в незаконной добыче дикого животного, но осуществлять его первичную переработку или транспортировку. При этом на практике лиц, которые заранее обещали осуществить два этих действия, иногда безосновательно признают пособниками. Думается это не соответствует положениям пункта 5 статьи 1 ФЗ «Об охоте».

Встречаются и иные подходы к определению значения первичной переработки и транспортировки в процессе незаконной охоты. Так, некоторые авторы вообще предлагают исключить ее из указанного определения (или не применять при квалификации преступления, предусмотренного статьей 258 УК РФ) [8, с. 79]. Мы полагаем такую позицию ошибочной, так как это позволило бы виновным необоснованно уходить от ответственности в определенных ситуациях. Так, иногда охота длится по несколько дней, когда охотники днем добывают дичь, а вечером осуществляют ее первичную переработку. При нарушении правил охоты это объективно и субъективно — единый процесс одной незаконной охоты, а не совокупность административных правонарушений, предусмотренных статьей 8.37 КоАП РФ.

Определенные сложности в разграничении преступления, предусмотренного статьей 258 УК РФ, и административного правонарушения, предусмотренного статьей 8.37 КоАП РФ, возникают при оценке незаконной групповой охоты. Исходя из вышесказанного, действия любого из лиц, входящего в группу лиц по предварительному сговору или организованную группу, надлежит квалифицировать как преступление, предусмотренное частью 2 статьи 258 УК РФ, если они представляют собой хотя бы одно из входящих в содержание незаконной охоты действие (поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка), при условии, что все они были согласованы с незаконной добычей (при этом должна быть предварительная, возникшая до факта незаконной добычи охотничьих ресурсов, договоренность на их первичную переработку и транспортировку). В частности, как незаконная охота должны быть квалифицированы действия водителя, непосредственно не участвовавшего в поиске, выслеживании, преследовании и добыче дикого животного, но обе-

⁸ Дело № 33-3919/2016 : Апелляционное определение Новосибирского областного суда (Новосибирская область) от 21 апр. 2016 г. № 33-3919/2016 // Судебные и нормативные акты. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/eHlrLCbMw0gi/>.

щавшего транспортировать его тушу в указанный другими лицами пункт.

На практике действия лиц, транспортировавших незаконно добытых диких животных, но не участвовавших в их добыче, обычно квалифицируются как административное правонарушение, предусмотренное статьей 8.37 КоАП РФ, что видится нам не вполне обоснованным. Так, действия граждан П. и О., которые на автомобиле вывезли тушу незаконно добытого гражданином Т. лося из лесного массива, были квалифицированы по статье 8.37 КоАП РФ. При этом в материалах дела указано, что предварительно все трое выдвинулись в лес для незаконной охоты именно на лося, добыча даже одной особи которого признается причинением крупного ущерба, однако непосредственно на дальность производства выстрела вышел гражданин Т., в результате чего и произвел его добычу (он был привлечен к уголовной ответственности по пункту «а» части 1 статьи 258 УК РФ). При этом общим предварительным сговором указанных лиц охватывалась транспортировка туши дикого животного в населенный пункт совместно всеми указанными лицами после его добычи. Несмотря на все вышесказанное, граждане П. и О. необоснованно избежали уголовной ответственности⁹.

Вместе с тем в ситуациях, когда лицо, осуществившее транспортировку (а равно первичную переработку) заведомо незаконно добытого животного, предварительно (до факта незаконной охоты) не оговорило с лицом, осуществившим его добычу, содеянное нельзя квалифицировать как незаконная охота в форме транспортировки. Так, гражданин Г. не привлекался к уголовной ответственности по делу о преступлении, предусмотренном частью 2 статьи 258 УК РФ. Было установлено, что гражданин З., незаконно добывший лося, обратился к Г. с просьбой перевезти тушу животного в населенный пункт на принадлежавшем гражданину Г. снегоходе. Гражданин Г. согласился. В процессе перевозки туши лося они оба были задержаны сотрудниками полиции. Гражданин З. был привлечен к ответственности по статье 258 УК РФ, гражданин Г. — к административной по статье 8.37 КоАП РФ¹⁰.

⁹ Дело № 2-49/2020 : Решение Уренского районного суда Нижегородской области от 21 янв. 2020 г. № 2-49/2020 2-49/2020(2-580/2019); М-524/2019 2-580/2019 М-524/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/12SGAQUNVZd8/>.

¹⁰ Дело № 22-5205/2019 : Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 19 июля 2019 г. № 22-5205/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/nOSiv4TVaZU/>.

Сложность рассмотренных выше конструкций создает условия для ухода от ответственности лиц, действия которых состояли в первичной переработке и транспортировке незаконно добытых диких животных. Как правило, они маскируют свой предварительный совместный умысел с иными лицами, осуществившими незаконную добычу, под самостоятельный умысел, сформировавшийся уже после факта охоты. Органам дознания следовало бы более тщательно проверять показания таких лиц, относясь к ним критически и проверяя их иными доказательствами.

Как уже было сказано выше, основной нормой КоАП РФ, с которой конкурирует статья 258 УК РФ, является статья 8.37, в которой установлена ответственность за нарушение правил охоты (наряду с нарушением правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира). Принципиальным различием деяний, ответственность за которые установлена указанными нормами, является их объект. Так, основным непосредственным объектом незаконной охоты являются общественные отношения, обеспечивающие сохранение охотничьих ресурсов в аспекте экологической безопасности и экологического правопорядка, тогда как основным объектом административно-наказуемых нарушений правил охоты выступают общественные отношения, обеспечивающие порядок охраны окружающей среды и природопользования. Несмотря на кажущуюся теоретизированность этой проблемы, указанные различия принципиальны: в результате совершения преступления создается реальная угроза исчезновения конкретного охотничьего ресурса или значительное оскудение природных ресурсов, которое в конечном итоге может повлечь за собой нарушение экологических систем, их фактическое перерождение. В результате совершения указанного административного правонарушения происходит нарушение порядка управления охотничьими ресурсами (учета, сохранения, восстановления), последствия которого значительно менее масштабны.

Основным признаком, по которому следует разграничивать указанные нарушения, являются общественно-опасные последствия, которые в пункте «а» части 1 статьи 258 УК РФ указаны как причинение крупного ущерба (при этом, в соответствии с примечанием к этой статье, крупным признается ущерб, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий 40 тыс. рублей). В целом, после изменений и до-

полнений, внесенных в статью 258 УК РФ Федеральным законом от 27 июня 2018 года¹¹, конкретизировавшим ущерб в денежном эквиваленте, особых проблем в квалификации оконченных преступлений и административных правонарушений не возникает. Вместе с тем при оценке деяний, когда умысел по независящим от лица обстоятельствам реализован не в полном объеме, содеянное на практике квалифицируется как административное правонарушение, предусмотренное статьей 8.37 КоАП РФ, что, на наш взгляд, совершенно не обоснованно.

Так, по правилам оценки неоконченного преступления с учетом абсолютно конкретизированного умысла надлежит квалифицировать как покушение на конкретное преступление независимо от наступивших последствий [9, с. 42–44]. Тем самым в ситуациях, когда лицо совершает незаконную охоту, в результате которой неминуемо и явно для правонарушителя будет причинен крупный ущерб, содеянное надлежит квалифицировать по части 3 статьи 30, пункту «а» части 1 статьи 258 УК РФ как покушение на незаконную охоту. Между тем на практике подобные ситуации квалифицируются как административно наказуемое нарушение правил охоты. Проанализировав приговоры по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 258 УК РФ в Иркутской области, Забайкальском крае, Республике Бурятия с 2012-го по 2020 год, мы не нашли примеры, когда у виновного присутствовал абсолютно конкретизированный умысел на незаконную охоту, преступление не было доведено по независящим от него обстоятельствам, и содеянное было квалифицировано как покушение на незаконную охоту. В некоторой степени подходящий пример есть в правоприменительной практике Алтайского края. Так, граждане С. и Б., вооруженные охотничьими ружьями, находились на участке лесистой местности с целью охоты на лосей. Во время охоты гражданин С., увидев находящийся в непосредственной близости от него силуэт, а также услышав исходящий звук движущегося объекта и подумав, что в болоте движется лось, произвел выстрел, в результате чего гражданин Б. получил смертельные ранения и скончался. Суд квалифицировал содеянное гражданином С. как покушение на незаконную охоту, совершенное группой лиц по предварительному сговору (часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 258

УК РФ), а также как причинение смерти по неосторожности¹².

Справедливости ради отметим, что в случае отсутствия абсолютно конкретизированного умысла исключается квалификация содеянного как покушение на преступление, предусмотренное пунктом «а» части 1 статьи 258 УК РФ. Например, если виновный имел конкретизированный альтернативный умысел на незаконную охоту и предполагал добычу диких птиц и зверей, в том числе с учетом их количества, однако в равной степени допускал наступление и ненаступление общественно-опасных последствий в виде причинения крупного ущерба, содеянное надлежит квалифицировать как административное правонарушение, предусмотренное статьей 8.37 КоАП РФ.

Представляется, что квалификация неоконченной деятельности, даже при фактическом наличии абсолютно конкретизированного умысла на незаконную охоту с причинением крупного ущерба как административного правонарушения, обусловлена принципиальными сложностями в установлении умысла именно указанного вида, так как виновные всегда стремятся замаскировать его под альтернативный умысел. Вместе с тем многие обстоятельства, демонстрирующие истинный умысел, могут быть установлены по объективным признакам: по показаниям свидетелей, при анализе переговоров соучастников, по выбору оружия с конкретными характеристиками, по реализации определенной тактики охоты и т. д. Анализ материалов об отказе в возбуждении уголовных дел по статье 258 УК РФ показал, что органы дознания этот вопрос прорабатывают недостаточно качественно, ограничиваясь установлением умысла (даже без определения его вида) исключительно по показаниям правонарушителя.

Конструкция пунктов «б» – «г» части 2 статьи 258 УК РФ по большей части исключает их конкуренцию со статьей 8.35 КоАП РФ, так как в них указаны конкретные обстоятельства, относящиеся к способу, средствам, орудиям, месту, времени, обстановке совершения незаконной охоты. Но и здесь возможны сложности. Так, вменение всем соучастникам указанных признаков, если они обнаруживаются в действиях только одного из них, допустимо лишь в том случае, если они охватываются совместным прямым умыслом. Например, использование только

¹¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 3940.

¹² Дело № 1-62/2015 : Приговор Усть-Пристанского районного суда (Алтайский край) от 11 нояб. 2015 г. № 1-62/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/87rgd0LYEf5/>.

одним из соучастников в процессе охоты транспортного средства (даже если они заранее это не оговорили) делает ее незаконной для всех иных соучастников только при условии, что они осознают это обстоятельство и продолжают совершение деяния.

Незаконной также следует признавать охоту, совершенную группой лиц, когда один из соучастников осуществлял поиск, отслеживание, преследование, добычу птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, или занимался незаконной охотой на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, если остальные соучастники формально правил охоты своими самостоятельными действиями не нарушали. Например, один виновный осуществляет преследование зверя на указанных территориях, выгоняет его за их пределы, а второй осуществляет его добычу. При этом следует помнить, что не обязательно устное выражение согласия на продолжение уже начавшейся законной охоты, когда один из виновных выходит за ее пределы. Это согласие может быть выражено конклюдентно, в частности, самим фактом отсутствия немедленного отказа от продолжения незаконных действий в составе группы лиц.

Важно отметить, что в приведенных выше двух вариантах незаконной охоты отсутствует предварительный групповой умысел, в связи с чем содеянное надлежит квалифицировать по соответствующему пункту части 1 статьи 258 УК РФ в отношении каждого из соучастников с учетом при назначении наказанияотягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «в» части 1 статьи 63 УК РФ, а не по части 2 этой же статьи.

Как отмечалась выше, имеется конкуренция между нормами, предусмотренными пунктом «в» части 1 статьи 258 УК РФ и статьей 8.35 КоАП РФ. Судебно-следственная практика пошла таким путем, что содеянное квалифицируется как указанное административное правонарушение, если в процессе совершения общественно-опасного деяния птицы и звери, охота на которых полностью запрещена, не были добыты, уничтожены или повреждены, т. е. деяние пресечено в процессе их поиска, отслеживания, преследования. Если же происходит их добыча, уничтожение или повреждение, то содеянное квалифицируется по пункту «в» части 1 статьи 258 УК РФ.

Вместе с тем это не соответствует принципу законности, так как оба варианта надлежит квалифицировать как преступление, предусмо-

тренное пунктом «в» части 1 статьи 258 УК РФ. Думается, что по статье 8.35 КоАП РФ надлежит квалифицировать такие деяния, которые совершаются иными, отличными от охоты, способами, например, их отравлением, уничтожением их кормовой базы, среды обитания, миграционных путей и т. д. Следует учитывать, что в таком случае может возникнуть конкуренция состава этого административного правонарушения и иных составов экологических преступлений, предусматривающих в качестве общественно-опасных последствий причинение существенного вреда животному миру.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Статья 258 УК РФ и статьи 8.35, 8.37 КоАП РФ в своих конструкциях имеют множество общих признаков, что делает их смежными и порождает их конкуренцию.

2. Необходимо помнить, что охота (в том числе незаконная) представляет собой поиск, отслеживание, преследование, добычу, первичную переработку и транспортировку охотничьих ресурсов. При этом три первых варианта деяния должны быть совершены с целью незаконной добычи, а два последних — с предварительным осознанием именно незаконной добычи.

3. Для решения межотраслевой дифференциации ответственности за незаконную охоту следует учитывать характер и степень общественной опасности деяния. Так, характер большинства видов уголовно-наказуемой незаконной охоты связан с нарушением не только экологического правопорядка, но и экологической безопасности, тогда как указанные административные правонарушения посягают на общественные отношения, связанные с порядком пользования охотничьими ресурсами и иными объектами животного мира. Впрочем, это утверждение имеет больше теоретическое, чем практическое значение.

4. На практике указанные преступления и административные правонарушения следует разграничивать с учетом общественно-опасных последствий, средств, орудий, способа, места, времени, обстановки совершения общественно-опасного деяния, которые четко формализованы в части 1 статьи 258 УК РФ.

5. Для решения межотраслевой дифференциации ответственности за незаконную охоту следует учитывать умысел виновных, так как наличие прямого, абсолютно конкретизированного умысла на незаконную охоту с причинением крупного ущерба, в случае недоведения содеянного до конца по независящим от лица обстоя-

тельствам, надлежит квалифицировать как покушение на незаконную охоту, предусмотренную пунктом «а» части 1 статьи 258 УК РФ.

6. При совершении незаконной охоты в соучастии, если криминообразующий признак со-

держится в действиях только одного из соучастников, следует учитывать общий умысел в части установления явности этого признака для других лиц, а также наличие согласия на продолжение охоты с учетом этого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопашенко Н.А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний / Н.А. Лопашенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2018. — Т. 8, № 4 (29). — С. 131–136.
2. Рогова Е.В. Межотраслевая дифференциация ответственности / Е.В. Рогова // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию российской полиции, Иркутск, 27 апр. 2018 г. — Иркутск, 2018. — С. 5–9.
3. Кузнецова Н.И. Экологические преступления: теория и практика правоприменения : монография / Н.И. Кузнецова, М.В. Шкеле. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2020. — 172 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. — Москва : Инфра-М, 2003. — 858 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Изд. 4-е, доп. — Москва : ИТИ Технологии, 2006. — 944 с.
6. Цыганов А.А. Правовые основы природопользования. Особенная часть : учеб. пособие / А.А. Цыганов. — Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2014. — 150 с.
7. Касаткин Ю.И. О монистическом взгляде на охоту. Избранные работы / Ю.И. Касаткин. — Киров, 1983.
8. Зуева Л.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.А. Зуева. — Москва, 2015. — 207 с.
9. Князьков А.А. Теория и практика квалификации преступлений : учеб. пособие / А.А. Князьков. — Ярославль : Изд-во ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018. — 100 с.

REFERENCES

1. Lopashenko N.A. Sectoral Differentiation: the Model of Criteria Accounted for in the Criminalization of Acts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of South-West State University. Series History and Law*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 131–136. (In Russian).
2. Rogova E.V. Cross-sectoral differentiation of responsibility. *Criminal Law of the Russian Federation: Problems of Law Enforcement and Prospects for Improvement. Materials of Inter-University Research Conference, Irkutsk, April 27, 2018*. Irkutsk, 2018, pp. 5–9. (In Russian).
3. Kuznetsova N.I., Shkele M.V. Environmental Crimes: Theory and Practice of Law Enforcement. Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2020. 172 p.
4. Sukharev A.Ya. (ed.). *A Great Legal Dictionary*. Moscow, Infra-M Publ., 2003. 858 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow, ITI Tekhnologiya Publ., 2006. 941 p.
6. Tsyganov A.A. The legal basis for the use of natural resources. The special part. Tver State University Publ., 2014. 150 p.
7. Kasatkin Yu.I. About a monistic view of hunting. Selected works. Kirov, 1983.
8. Zueva L.A. Criminal liability for illegal hunting *Cand. Diss.* Moscow, 2015. 207 p.
9. Knyazkov A.A. *Theory and Practice of Qualification of Crimes*. P.G. Demidov Yaroslavl State University Publ., 2018. 100 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забавко Роман Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета; 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: zra1985@gmail.com

Герасимова Юлия Радиковна — кандидат социологических наук, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета; 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: avtos5630@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Zabavko — PhD in Law, Ass. Professor of Criminal Law Depart., the Law Institute of the Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, Russian Federation, 664003, email: zra1985@gmail.com

Yulia R. Gerasimova — PhD in Sociological Sciences, Ass. Professor of the Department of Law, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov st., Irkutsk, Russian Federation, 664074, e-mail: avtos5630@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 12.04.2021

Доработана после рецензирования / Revised 11.05.2021

Принята к публикации / Accepted 17.06.2021